

И. В. Ружицкий
Москва, Россия

АФОРИЗМЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

АННОТАЦИЯ. В статье уточняется определение понятия «афоризм», в качестве основных свойств афоризма выделяются наличие автора, относительная краткость и нетривиальность суждений данного типа. Указываются основные возможные направления исследования афоризмов в текстах Ф. М. Достоевского, главное внимание при этом уделяется политическому дискурсу писателя. Анализируются функции афоризмов — дидактическая, рефлексивная и функция аргументации. Делаются предположения относительно причин склонности Ф. М. Достоевского к частому употреблению афоризмов, причем во всех без исключения жанрах его творчества — художественных текстах, публицистике и письмах. К таким причинам относится во многом парадоксальное мировоззрение писателя, находящее отражение и в языке; авторская склонность к нагнетанию смысла, сопряженная с поисками языковых средств выражения его тончайших нюансов; постоянное участие в литературной и общественно-политической полемике; осознание самим Ф. М. Достоевским своей пророческой функции, из чего непременно следует нравоучительная форма используемых им генерализованных высказываний. Предлагаются основы классификации высказываний афористического типа в картине мира Ф. М. Достоевского, основу которой составляет концепт «человек». Отдельное внимание уделяется составляющим афоризм структурным единицам — семантическим геишталям, представляющим собой ассоциативные ряды входящих в высказывание идиоглос — ключевые для писателя лексических единиц. В качестве примеров приводятся семантические геиштали, формирующие афоризмы такой референтной области, как «Россия и русские». Основой проведенного исследования явились материалы Словаря языка Достоевского.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Достоевский, Словарь языка Достоевского, политический дискурс, афоризм, идиоглосса, семантический геиштальт.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Ружицкий Игорь Васильевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического факультета, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, адрес: 125480, г. Москва, ул. Виллиса Лациса, д. 11, корп. 4, кв. 379; e-mail: konnitie@mail.ru.

Ф. М. Достоевский, пожалуй, один из самых цитируемых и самых афористичных русских писателей, причем не только в нашей стране, но и за рубежом. Так, в Национальном корпусе русского языка на запрос «Достоевский» мы получаем 10 674 вхождения, а, например, на «Толстой» — 9 907 при существенно большей омонимии второго; высокая частота вхождений (22 265) на запрос «Пушкин» объясняется как широкой омонимией, так и хрестоматийностью данного автора и его произведений (см.: <http://www.ruscorgora.ru/>). То же показывают и многочисленные словари афоризмов (качество этих словарей оставляет желать лучшего, но тем не менее определенным источником материала они являются). Причин такой склонности Достоевского к частому употреблению афоризмов, причем во всех без исключения жанрах его творчества — художественных текстах, публицистике и письмах, — несколько: во многом парадоксальное мировоззрение писателя, находящее отражение в его языке (парадоксальность излагаемой мысли — одно из свойств афористического высказывания); авторская склонность к нагнетанию смысла, сопряженная с поисками языковых средств выражения его тончайших нюансов; постоянное, в течение всей жизни, участие в литературной и общественно-политической полемике, в которой, наряду с афоризмами, излюбленным языковым средством становится языковая игра; наконец, осознание самим Достоевским своей пророческой функции, из чего непременно следует дидактическая и нравоучительная форма используемых им генерализованных высказываний.

Данная статья посвящена изучению особенностей функционирования афоризмов Достоев-

ского в его публицистике, которую вполне можно охарактеризовать как авторский политический дискурс. Указанная тема уже затрагивалась в науке (см., например: [Гришин 1961; Гинзбург, Караулов 2001]), однако в данной области осталось довольно много исследовательских лакун, касающихся как функций генерализованных высказываний в речи, так и сложностей определения самого понятия «афоризм».

Под афоризмом будем понимать разновидность генерализованного высказывания, обобщающего суждения, обладающего следующими свойствами: 1) указанием на авторство; 2) нетривиальностью, часто — парадоксальностью выражаемой мысли; 3) краткостью. Все эти свойства являются в той или иной степени относительными: автор предложения может быть забыт, нетривиальность, периодически воспроизводимая, становится банальностью, а «длина» афоризма, в большинстве случаев соответствующая числу единиц оперативной памяти (7 ± 2), может сокращаться до трех знаменательных слов или расширяться до нескольких предложений, что характеризует в первую очередь публицистику. Афоризм между тем не перестает быть афоризмом, своеобразной когнемой, единицей знания, отличаясь по своим свойствам и функциям от других единиц подобного рода — пословиц, крылатых выражений, устойчивых научных формул, предложений, максим и др. (см.: [Ружицкий 2012, 2014]).

При изучении генерализованных высказываний Достоевского интерес представляет следующее: причины, по которым такого рода предложения остаются в человеческой памяти и начинают периодически воспроизводиться, т. е. служить осо-

бого типа отсылками к прецедентным текстам; роль в этой запоминаемости самой идеи, заключенной в афоризме, способы ее языкового оформления; ключевые слова, используемые в составе афоризмов, а также ассоциативно-смысловые цепочки, образуемые этими словами; референтные области действительности, с которыми связаны афоризмы; основные интенции в употреблении афоризмов и др. Остановимся на некоторых из перечисленных аспектах изучения афористики Достоевского, сосредоточившись в основном на писательском политическом дискурсе.

Ядро разработанной нами с использованием ресурсов Словаря языка Достоевского (см. [Словарь... 2001; СЯД 2008, 2010, 2012]) тематической классификации афоризмов Достоевского (около 1600 единиц) включает в себя прежде всего следующие области:

(1) ЧЕЛОВЕК, ЛИЧНОСТЬ (с такими подклассами, как *душа, бессмертие души; человек и судьба, человек и тайна; внутреннее состояние и содержание человека; жизнь — страдание; любовь; веселость — серьезность* и др.). С политическим дискурсом наиболее тесную связь имеют следующие классы данной референтной области:

— *человек и общество, человек и государство*:

«<...> не пренебрегайте инстинктами общества, каковы бы они ни были» (Публицистика, т. 19, с. 61) (здесь и далее номера тома и страницы даются по изданию: [Достоевский 1972—1990]); «Политика <...> изобличает мелочь, внутреннее бессилие государства» (Дневник писателя, т. 23, с. 66);

— *коллективизм (единение) — индивидуализм*:

«Нации живут великим чувством и великою, всех единящею и всё освещающею мыслью, соединением с народом, наконец, когда народ невольно признает верхних людей с ним заодно, из чего рождается национальная сила — вот чем живут нации, а не одной лишь биржевой спекуляцией и заботой о цене рубля» (Дневник писателя, т. 26, с. 31);

— *война — мир, победа — поражение*:

«<...> политическая, международная война приносит лишь одну пользу, во всех отношениях, а потому совершенно необходима» (Дневник писателя, т. 22, с. 123); «Долгий мир производит апатию, низменность мысли, разврат, притупляет чувства. Война их обновляет, освещает, вызывает, крепит мысли и дает толчок» (Дневник писателя, т. 22, с. 124); «Человек по природе своей страшно склонен к трусливости и *бесстыдству* (здесь и далее в примерах курсив Ф. М. Достоевского. — *И. Р.*) и отлично про себя это знает; вот почему, может быть, он так и жаждет войны, и так любит войну: он чувствует в ней лекарство» (Дневник писателя, т. 22, с. 125); «<...> война менее обозляет, чем мир» (Дневник писателя, т. 22, с. 125); «Война развивает братолюбие и соединяет народы» (Дневник писателя, т. 22, с. 125); «Именно для народа война оставляет самые лучшие и высшие последствия» (Дневник писателя, т. 22, с. 125); «Война есть повод массе уважать себя, а потому народ и любит войну <...>» (Дневник писателя, т. 22, с. 126); «<...> пролитая кровь важная вещь, соединительная

вещь!» (Дневник писателя, т. 23, с. 100); «Долгий мир всегда родит жестокость, трусость и грубый, ожирелый эгоизм, а главное — умственный застой» (Дневник писателя, т. 23, с. 101); «<...> полезно оказывается лишь та война, которая предпринята для идеи, для высшего и великого принципа, а не для материального интереса, не для жадного захвата» (Дневник писателя, т. 25, с. 103);

(2) НРАВСТВЕННОСТЬ (подклассы: *ценность нравственности и нравственные ценности; назначение нравственности; нравственность — политика, совесть — власть; нравственная и духовная жизнь общества; свобода — гласность* и др.). В политическом дискурсе мы чаще встречаем употребление афоризмов следующих классов:

— *нравственное — безнравственное*:

«Понятие, заключающееся в слове „дрянь“, чрезвычайно обширно и из мира вещественного очень удобно переносится в мир нравственный и умственный <...>» (Публицистика, т. 20, с. 118);

— *социализм, атеизм*:

«<...> религиозный либерализм, индифферентизм и, наконец, атеизм всегда и во все века и времена были болезнями сословий высших, аристократических» (Публицистика, т. 21, с. 229).

— *нравственный идеал, нравственное совершенство, морально высшее*:

«Общественных гражданских идеалов, не связанных органически с идеалами нравственными, не существовало никогда, да и не может существовать!» (Дневник писателя, т. 26, с. 165); «Без идеалов, то есть без определенных хоть сколько-нибудь желаний лучшего, никогда не может получиться никакой хорошей действительности» (Дневник писателя, т. 22, с. 75).

И наиболее часто в публицистике Достоевского мы находим афористические высказывания, входящие в референтную область, которую можно обозначить как (3) РОССИЯ И РУССКИЕ (подклассы: *русское государство; народ, связь с народом; народность и православие; нация, национальность; русское общество; русский либерализм; интеллигенция; русский человек; русский характер; русская душа, русский дух; Родина, отечество — инородцы, «чужие край»; взгляд на иностранцев*). Именно созвучие этих генерализованных высказываний со многими аспектами современной жизни и усиливает их афористическую значимость, заставляет нас говорить о «пророческом даре Достоевского» (конечно, в первую очередь в данном случае имеется в виду роман «Бесы»), созвучие не только в самих идеях, выражаемых этими высказываниями, но и в их языковом оформлении, прежде всего в используемых лексических средствах. Например:

— *родина, отечество — инородцы, «чужие край»; взгляд на иностранцев*:

«Да Россия виновата уже тем, что она Россия, а русские тем, что они русские, то есть славяне: ненавистно славянское племя Европе, les slaves, дескать, рабы, а у немцев столько этих рабов: пожалуй, взбунтуются» (Дневник писателя, т. 23, с. 63); «Для Европы Россия — одна из загадок Сфинкса. Скорее изобретется perpetuum mobile или жизненный эликсир, чем постигнется

Западом русская истина, русский дух, характер и его направление. В этом отношении даже Луна теперь исследована гораздо подробнее, чем Россия» (Публицистика, т. 18, с. 41); «Даже физическими способностями русский не похож на европейцев. Всякий русский может говорить на всех языках и изучить дух каждого чуждого языка до тонкости, как бы свой собственный русский язык, — чего нет в европейских народах, в смысле всеобщей народной способности» (Публицистика, т. 18, с. 55); «<...> нигде на Западе и даже в целом мире не найдете вы такой широкой, такой гуманной веротерпимости, как в душе настоящего русского человека. Поверьте тоже, что скорей уж татарин любит сторониться от русского (именно вследствие своего мусульманства), а не русский от татарина» (Дневник писателя, т. 23, с. 127); «В том-то и главная наша разница с Европой, что не историческим, не культурным ходом дела у нас столь многое происходит, а вдруг и совсем даже как-то внезапно, иной раз даже никем до того неожиданным предписанием начальства» (Дневник писателя, т. 27, с. 10); «Для настоящего русского Европа и удел всего великого арийского племени так же дороги, как и сама Россия, как и удел своей родной земли» (Дневник писателя, т. 26, с. 147); «У нас — русских — две родины: наша Русь и Европа, даже и в том случае, если мы называемся славянофилами <...>» (Дневник писателя, т. 23, с. 30); «Будущность Европы принадлежит России» (Дневник писателя, т. 22, с. 122); «Деликатный страх перед Европой есть чисто русское дело и изобретение и не может быть понят никогда и никем» (Дневник писателя, т. 26, с. 76).

В теории афористики принято различать афоризмы вводные, суждения, входящие в тексты литературных или художественных произведений, и афоризмы обособленные, самостоятельные, когда весь текст состоит только из них. Обособленные афоризмы представляют собой отдельный литературный жанр, позволяющий отразить в сжатом виде авторскую субъективную картину мира, в этом состоит их основное назначение. Применительно к творчеству Достоевского собственная авторская позиция, образ риторика, достаточно четко выявляется в афоризмах «Дневника писателя», дидактический характер которого определялся самим его замыслом, в публицистике и личных письмах, где их основными функциями является аргументация высказанной мысли, ее подчеркивание, усиление воздействия на читателя или оппонента и дидактическая, часто — нравоучительная. Функции афоризмов в других жанрах творчества писателя уже могут становиться другими. Например, в записных книжках Достоевского, набросках, планах произведений нет адресата, соответственно, нет и не может никакого воздействия на читателя, а есть только фиксация в сжатом виде результатов каких-либо авторских размышлений: *Надо любить жизнь больше, чем смысл жизни; Сострадание есть высочайшая форма человеческого существования*. Такого рода функцию использования афоризмов будем называть рефлексивной, которая, помимо функции дидактической, характерна и для генерализованных высказываний, встречающихся в публицистике Достоевско-

го. Особый исследовательский интерес представляют собой афоризмы, включенные в речь персонажей литературных произведений, где суждения подобного рода выполняют как перечисленные выше задачи, так и служат экспрессивным средством в раскрытии художественного образа (подробнее см.: [Ружицкий 2014]).

Основной концептуальной идеей Словаря языка Достоевского (см.: [СЯД 2008, 2010, 2012]) является положение о том, что лексикографическому представлению подлежат не все слова, используемые автором (порядка 35 000 единиц), но только те, которые характеризуют авторский идиостиль и, соответственно, отражают мировоззрение писателя, — идиоглоссы. Таких единиц в текстах полного собрания сочинений Достоевского выявлено около 2 200. Вхождение слова в состав высказывания афористического типа служит безусловным показателем того, что слово обладает идиоглоссным статусом. В языковом сознании автора идиоглоссы существуют не изолированно, они вступают в гипотактические, паратактические и ассоциативные связи, являются своеобразными центрами притяжения различного рода семантических ассоциатов. Выскажем предположение, что идиоглоссы, входящие в высказывания афористического типа, образуют ассоциативные ряды, семантические гештальты (специфичные для национальной или индивидуальной картины мира цепочки ассоциаций — подробнее см.: [Караулов 2000, 2014; Ружицкий 2008, 2011, 2013]), которые как раз и являются единицами авторского языкового сознания. Приведем примеры таких ассоциативных цепочек идиоглоссы из контекстов их употребления, данных выше в референтной области РОССИЯ И РУССКИЕ:

Россия → виноватый → русский → славяне → Европа → ненавистный → раб; Россия → загадка → жизненный → русский → истина → дух → характер → направление; русский → способность → говорить → язык → дух → европейский → народ → смысл → народный; целый → мир → широкий → гуманный → душа → настоящий → русский → человек → поверить → любить; Европа → главный → вдруг → внезапно → дело → неожиданный; будущность → Россия; деликатный → страх → дело → понять и др. Фиксация данных семантических гештальтов в генерализованных высказываниях Достоевского является, на наш взгляд, перспективным направлением исследования языковой личности писателя. Интересной, на наш взгляд, является также возможность проведения своеобразного эксперимента по конструированию высказываний афористического типа с использованием выявленных семантических гештальтов Достоевского среди носителей современного русского языка и культуры, что позволит обнаружить как механизмы создания афоризма, так и инвариантные и вариативные части языкового сознания Достоевского в сравнении с современным русским.

В заключение еще раз подчеркнем ключевые направления исследования афористики Достоевского, представленной, в частности, в его политическом дискурсе. Это уточнение самого понятия «афоризм»; поисковая работа по обнаружению генерализованных высказываний в текстах Дос-

товского, их классификация; изучение функций такого рода высказываний, выявление входящих в них семантических гешталтов; их сравнение с ассоциативными рядами, обнаруженными в афоризмах других авторов XIX в.; проведение эксперимента с носителями современного русского языка и культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гинзбург Е. Л., Караулов Ю. Н. Язык и мысль Достоевского в словарном отображении // Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта. Вып. 1. Предисловие. — М.: Азбуковник, 2001. С. IX—LXIV.
2. Гришин Д. В. Афоризмы и высказывания Ф. Достоевского. — Мельбурн: Мельбурнский ун-т, 1961.
3. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. — Л.: Наука, 1972—1990.
4. Караулов Ю. Н. Семантический гешталт ассоциативного поля и образы сознания // Языковое сознание. Содержание и функционирование: тезисы 13 Междунар. симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. — М., 2000. С. 107—109.
5. Караулов Ю. Н. Ассоциативный анализ — новый подход к интерпретации художественного текста // Слово Достоевского — 2014. Идиостиль и картина мира: коллективная моногр. / под общ. ред. Е. А. Осокиной. — М.: ЛЕКСРУС, 2014. С. 61—88.
6. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/>.
7. Ружицкий И. В. Презумпция негативной оценки в восприятии России и русских носителями иных культур // Русское слово в русском мире — 2008: Россия и

русские в восприятии инокультурной языковой личности: сб. науч. ст. / под ред. И. В. Ружицкого, Ю. Н. Караулова, О. В. Евтушенко. — М.: ЦП «Вазиздаст», 2008. С. 5—21, 196—229.

8. Ружицкий И. В. Вместо предисловия // Словарь языка Достоевского: идиоглоссарий (Г—З) / под ред. Ю. Н. Караулова. — М.: Азбуковник, 2010. С. VIII—XVII.
9. Ружицкий И. В. Цепочка ассоциаций как единица восприятия // Вестн. Центра междунар. отношений МГУ им. М. В. Ломоносова. 2011. Сер. «Филология. Культурология. Педагогика. Методика». Вып. 3. С. 75—83.
10. Ружицкий И. В. О языке Достоевского // Науч. вестн. Воронеж. гос. архитектурно-строительного ун-та. Сер. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2013. № 9. С. 73—81.
11. Ружицкий И. В. Афоризмы Достоевского // Русская речь. 2014. № 5. С. 30—37.
12. СЯД = Словарь языка Достоевского: идиоглоссарий (А—В) / под ред. Ю. Н. Караулова. — М.: Азбуковник, 2008.
13. СЯД = Словарь языка Достоевского: идиоглоссарий (Г—З) / под ред. Ю. Н. Караулова. — М.: Азбуковник, 2010.
14. СЯД = Словарь языка Достоевского: идиоглоссарий (И—М) / под ред. Ю. Н. Караулова. — М.: Азбуковник, 2012.
15. Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта. Т. 1. / Е. Л. Гинзбург, Ю. Н. Караулов, М. М. Коробова, Е. А. Цыб, С. Н. Шепелева; под ред. Ю. Н. Караулова. — М.: Азбуковник, 2001.

I. V. Ruzhitskiy
Moscow, Russia

APHORISMS IN DOSTOYEVSKY'S POLITICAL DISCOURSE

ABSTRACT. *The article clarifies the definition of the concept of «aphorism»; its basic features are determined to be as follows: the presence of the author and the relative brevity and non-triviality of judgments of this type. The main lines of research of aphorisms are investigated and the main attention is paid to the political discourse of the writer. The following functions of aphorisms are analyzed: didactic, reflexive and argumentative. Assumptions about the reasons of F. Dostoyevsky's propensity to use aphorisms in all genres of his creative works — fiction, journalism and letters — are made. These reasons are: the paradoxical worldview of the writer, reflected in the language; the author's tendency to intensify the sense, which also means the search of language means to express the subtlest of its nuances; constant participation in literary and political debates; the awareness by F. Dostoyevsky of his prophetic function, which determines the moralizing form of his generalized statements. The basics of classification of aphoristic statements in F. Dostoyevsky's worldview are suggested; in the center of this classification is the concept "human being". Special attention is paid to the components of the aphorism constituent structural units — semantic gestalts, by which the associative series of idioglosses (the key lexical units in the writer's style) is understood. The paper contains examples of semantic gestalts of the reference group "Russia and Russians". The conducted research is based on the materials of the Dostoyevsky's Language Vocabulary.*

KEYWORDS *Dostoyevsky, Dostoyevsky's vocabulary, political discourse, aphorism, idioglossa, semantic gestalt.*

ABOUT THE AUTHOR: *Ruzhitskiy Igor Vasilyevitch, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Russian for Foreign Students, Lomonosov State University Philological Faculty, Lomonosov State University, Moscow, Russia.*

LITERATURE

1. Ginzburg E. L., Karaulov Yu. N. Yazyk i mysl' Dostoyevskogo v slovarnom otobrazhenii // Slovar' yazyka Dostoyevskogo. Leksicheskiy stroy idiolekta. Vyp. Pervyy. Predislovie. Moskva: Azbukovnik, 2001. S. IX—LXIV.
2. Grishin D. V. Aforizmy i vyskazyvaniya F. Dostoyevskogo. Mel'burn: Mel'burnskiy un-t, 1961. — 77 s.
3. Dostoyevskiy F. M. Polnoe sobranie sochine-niy: v 30 t. L.: Nauka, 1972—1990.
4. Karaulov Yu. N. Semanticheskiy geshtal't assotsiativnogo polya i obrazy soznaniya // Yazykovoe soznanie. Soderzhanie i funktsionirovanie: Tezisy XIII

Mezhdunarodnogo simpoziuma po psikholin-gvistike i teorii komunikatsii. M., 2000. S. 107—109.

5. Karaulov Yu. N. Assotsiativnyy analiz novyy podkhod k interpretatsii khudozhestvennogo teksta // Slovo Dostoyevskogo—2014. Idiostil' i kartina mira: Kollektivnaya monografiya / Pod obshch. red. E. A. Osokinoy. M.: LEKSRUS, 2014. S. 61—88.
6. Natsional'nyy korpus russkogo yazyka [Elektronnyy resurs] // <http://www.ruscorpora.ru/>
7. Ruzhitskiy I. V. Prezumpsiya negativnoy otsenki v vospriyatii Rossii i russkikh nositelyami inykh kul'tur // Russkoe slovo v russkom mire 2008: Rossiya i russkie v

vospriyatii inokul'turnoy yazykovoy lichnosti: Sb. nauch. st. / Pod red. I. V. Ruzhitskogo, Yu. N. Karaulova, O. V. Evtushenko. M.: TsP «Vasizdast», 2008. S. 5—21, 196—229.

8. Ruzhitskiy I. V. Vmesto predisloviya // Slovar' yazyka Dostoevskogo: Idioglossariy (G—Z) / Pod red. Yu. N. Karaulova. M.: Azbukovnik, 2010. S. VIII—XVII.

9. Ruzhitskiy I. V. Tsepkha assotsiatsiy kak edi-nitsa vospriyatiya // Vestnik Tsentra mezhdunarodnykh otnosheniy MGU imeni M. V. Lomonosova. Seriya «Filologiya. Kul'turologiya. Pedagogika. Metodika». 2011. Vyp. 3. S. 75—83.

10. Ruzhitskiy I. V. O yazyke Dostoevskogo // Nauch. vestnik Voronezhskogo gos. arkhitekturno-stroitel'nogo un-ta. Seriya «Lingvistika i mezh-kul'turnaya kommunikatsiya». 2013. № 9. S. 73—81.

11. Ruzhitskiy I. V. Aforizmy Dostoevskogo // Russkaya rech'. 2014. № 5. S. 30—37.

12. SYaD — Slovar' yazyka Dostoevskogo: Idioglossariy (A—V) / Pod red. Yu. N. Karaulova. M.: Azbukovnik, 2008. — 962 s.

13. SYaD — Slovar' yazyka Dostoevskogo: Idioglossariy (G—Z) / Pod red. Yu. N. Karaulova. M.: Azbukovnik, 2010. — 1049 s.

14. SYaD — Slovar' yazyka Dostoevskogo: Idioglossariy (I—M) / Pod red. Yu. N. Karaulova. M.: Azbukovnik, 2012. — 847 s.

15. Slovar' yazyka Dostoevskogo. Leksicheskiy stroy idiolekta. T. I. Avt.: Ginzburg E. L., Karaulov Yu. N., Korobova M. M., Tsyb E. A., Shepeleva S. N. / Pod red. Yu. N. Karaulova. M.: Azbukovnik, 2001. — 510 s.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.